

шающим ему «внутреннюю силу, самостоятельность, характер и крылья для духовно-осмысленного и победоносного полета через жизнь и смерть» [12]. Именно так, по мнению И. А. Ильина, может быть представлена парадигма разумной воли и свободы, таков нравственный порядок (содержание) категории свободы воли.

1. Ильин И. А. Учение Гегеля о конкретности Бога и человека. Т. 1, 2. М., 1918.
2. Ильин И. А. Собр. Соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 395.
3. Ильин И. А. Учение Гегеля о конкретности Бога и человека. Т. 1, 2.
4. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Париж, 1925. С. 15.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Парог, 1993. С. 52.
6. Ильин И. А. Собр. Соч.: В 10 т. Т. 3. С. 432.
7. Там же. Т. 1. С. 95.
8. Там же. Т. 3. С. 508 — 510.
9. Там же. Т. 1. С. 323—324.
10. Там же. Т. 4. С. 232.
11. Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию: Курс лекций. 2-е изд. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. С. 257—258.
12. Ильин И. А. Собр. Соч.: В 10 т. Т. 1. С. 95.

Л.Т. Баранская
Екатеринбург

СЕМАНТИКА ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Новейшие достижения науки и техники, новый образ жизненного пространства, информационные технологии изменяют социальные отношения производства, потребления и коммуникации актуализируют проблемы развития телесной организации человека. Культурные трансформации, связанные с коммерческим и потребительским отношением к человеческому телу, развитие высоких технологий в медицинской практике порождают сложные философские и нравственные вопросы о статусе человеческого тела.

В системе общественных ценностей общества потребления, активно пропагандируемых средствами массовой коммуникации, одно из первых мест занимает идеальное, вечно молодое, стройное и подтянутое тело, которое является эталоном успешности, жизненной состоятельности, счастья и удовлетворенности собой.

Культ совершенного тела превратился в массовую, лихорадочную погоню за идеалом. Безудержное желание достигнуть совершенства во всем, игнорируя естественные возрастные и даже половые ограничения, требует жесткого самоконтроля, перерастающего подчас в насилие над собой, чреватого глубокими стрессовыми и депрессивными состояниями и разрушительным стилем жизни. Состояние общественного сознания способствовало чрезвычайно широкому развитию индустрии красоты: фитнес-центров, спортивных залов для бодибилдинга, центров моделирования фигуры, основанных на диетах; салонах красоты и эстетической косметологии. Желание победить время и сохранить свое тело молодым, если уж не навсегда, то, по крайней мере, надолго, изменить его в желательном направлении тем или иным методом, при помощи хирургии или без нее, распространено на Западе и в последние десять лет активно распространяется в России. В эпоху потребительского капитализма и либерального индивидуализма эстетическая хирургия стала неотъемлемой частью культурного пейзажа в высокоразвитых индустриальных странах. Степень влияния эстетической хирургии на общественное сознание иллюстрируют следующие цифры: по данным Американского Общества Пластической хирургии на период 2000 года было проведено 1,3 млн. операций, что составляет увеличение с 1992 года на 198%.

И это не случайно, отмечает Ж. Липовецкий, характеризуя феномен современной моды, «в наши дни эстетические методы направлены не столько на то, чтобы создать обманчивую иллюзию красоты, сколько на то, чтобы сохранить тело молодым и стройным... Если мода в области одежды становится все менее настоящей и ей отводится в бюджете все меньше места, то критерии красоты тела заявляют о себе с удесятенной силой. Чем менее единообразна мода, тем с большей очевидностью стройное и сильное тело превращается в общепринятую норму»¹. Все превращения тела, воспринимаемые сторонними наблюдателями, дают их счастливым обладателям уверенность в грандиозной самости и всемогуществе, некотором превосходстве над окружающими, претензиями на особый статус. Иными словами, тела перестают служить манекенами для разнообразных одежд и все более становятся

¹ Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб.: Алетей, 2003. С.189.

предметом производства. Как следствие, эстетическая хирургия обретает моральную санкцию на любые телесные преобразования.

Помимо институциональных стандартов, в которых проявляется влияние глобального общества, в формировании тела принимает активное участие тот, кому это тело «принадлежит». Нет ни малейших оснований считать «я», сложившееся на основе переживания собственного тела и связанное с ним нерасторжимыми узами, послушным исполнителем чужих приказов, покорно воспроизводящим институционально принятые модели. В этой связи, важно рассмотреть вопрос о том, как институционально одобренные образцы (модели) взаимодействуют со свободным выбором индивида в ходе переживания собственного тела. В отличие от физического тела вообще, собственное тело дано индивиду непосредственно, но в обыденном опыте то и другое соединяются особым образом, таким, что переживание власти над собственным телом становится основой переживания собственного «я». С точки зрения З.Фрейда¹, тело оказывает некоторое влияние на возникновение «я», поскольку позволяет испытать одновременно внутренний и внешний опыт. Тело предоставляет одновременно внешний и внутренний опыт, а потому опыт переживания тела лежит в основании формирования и конституирования «я». В таком случае, благодаря телу человек не только способен открыть для себя весь предметный мир, но и преобразовать его, например, благодаря возможностям эстетической хирургии. Однако насколько пластично человеческое тело, препятствует ли что-то его бесконечным изменениям по своему желанию?

Одновременное тождество и не-тождество своего «я» и тела объяснимо взаимодействием живого и «инкорпорированного» опыта. Человек одновременно тождественен своему телу и нетождественен ему, живет в своем теле и постоянно покидает его пределы ради действия. Познания и творчества. Поэтому переживание собственного тела — всегда переживание себя и не-себя, неизменно связанное с узнаванием и удивлением². Отношения

¹ Фрейд З. Я и Оно // З. Фрейд Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С.216.

² Р. Лейнг показывает, что промежуточный характер тела весьма небезопасен, ведь утрата тождества между «я» и телом — симптом шизофрении. Лейнг Р. Разделенное «я». Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995.

«я» и тела могут быть представлены как противоречивое единство устойчивости и изменчивости. «Я», неизменный источник собственных действий, постоянно меняющихся впечатлений. Изменчивость «я» предопределена тем, что универсальной формой генезиса «я» оказывается время: «я» синтезируется в форме биографии, предполагающей одновременное присутствие сменяющих друг друга в реальности состояний «я», вызвавших те или иные привычные убеждения. Таким образом, вопрос о том, как и где «записывается» память, необходимая для конституирования устойчивого «я», вновь возвращает к осмыслению собственного тела в неразрывной связи с «я». Как утверждает Бурдье, «заученное телом — это не что-то такое, что можно, как знание, нести перед собой; это то, чем тело и является»¹. Следовательно, тело не просто совокупность привычек и шрамов, напоминающих о житейских бурях. Тело еще и совокупность того, что оно может вынести, того, во что оно еще позволит сыграть, одним словом, совокупность всевозможных практик. Меняя одну социальную позицию на другую, вместе с новыми позициями мы принимаем новые стили жизни, которые приходят в противоречие с устойчивыми и трудно изменяемыми характеристиками тела как уникальной социокультурной ипостаси личности. Феноменологические описания собственного тела неизменно приводят к выводу о коммуникативном характере переживания тела. Привычки, усвоенные в ходе обмена деятельностью с другими, характеристикой которых становится уникальная неповторимость данного тела, определяют свободу (и несвободу) выбора программы изменения собственного тела. Следовательно, тело формируется как базисная символическая система, образующая горизонт «предпонимания» мира, но тогда чувство тела — всегда некий фантом, который вряд ли адекватно вербализуем, и не поддается операционализации. В ходе индивидуального развития и общения с другими людьми происходит субъективная маркировка пространства, регистрация особо значимых телесных зон. Отсюда становится очевидным широкий диапазон предпочтений образцов для подражания, в соответствии с которыми организуется внешность, манеры, чувства и переживания людей: от эталонов «божественной» красоты до моделей явного уродства, скорее фантастических су-

¹ Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С.141—142.

ществ. Таким образом, эффекты произведенного эстетического хирургического вмешательства, в каждом конкретном случае, можно проследить лишь по тем состояниям психики и сознания, которые обнаруживают себя в практической деятельности и активности субъекта в весьма отдаленном послеоперационном периоде. Проблема мотивации обращений личности к эстетической хирургии может быть понята лишь посредством анализа дискурса конкретной истории жизни.

Д.И. Бахтизина

Сибай

ПОНИМАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Понимание музыки дает человеку знание, причем нередко такое, которое он осознать не в состоянии. Это неявное, личностное знание, от наличия которого зависит богатство внутреннего мира человека. У Т. Элиота есть интересное выражение, касающееся знаний и их места в жизни человеческого духа: «Где мудрость, утраченная нами ради знания? Где знание, утраченное нами ради сведений?». Действительно, человеку для жизни необходима информация, но он не должен захлебнуться в ее потоке. Освоение же ее требует размышления и переживания. Музыка как раз относится к таким проявлениям человеческого духа, которые заставляют человека задуматься, переосмыслить свои знания, во всей полноте ощутить свою самость. Понимание музыки помогает человеку не просто почувствовать силу и целесообразность бытия, но и определить свое место в нем, эмоционально пережив свою значимость. Понимание музыкального произведения представляет собой особый процесс познания, отличный от традиционных его способов. В музыке невозможно расчлнить изучаемый предмет на части, что, вероятно, и дало повод В. Кашину заметить, что в мире есть «много таких вещей, которые доступны пониманию, но не познанию» [1, 83]. Однако, с нашей точки зрения, понимание уже представляет собой познание, но познание нетрадиционное, по которым изучаемый предмет не «препарируется». Сущность произведения искусства постигается путем проникновения в его смысл, путем «узрения» (А.Ф. Лосев). А раз музыкальное